

Диана
Фурсова

ВДОВА
ДРАКОНЬЕГО
ГЕНЕРАЛА
ЛЕКАРКА
ДЛЯ ЕГО НАСЛЕДНИКА



Диана Фурсова

Вдова драконьего генерала.

Лекарка для его наследника

<https://litres.ru/74205747>

Аннотация

Я открыла глаза на собственных похоронах. Чужой мир. Чужое тело. Чужое имя. Элианна Альвард — вдова при живом муже, предательница рода и женщина, которую драконий генерал Каэль Драгомир мечтает вычеркнуть из своей жизни. Он уверен, что я погубила его дом. Совет хочет завершить ритуал отречения. Слуги смотрят на меня как на проклятие. Но есть тот, кто не верит взрослым. Маленький наследник генерала видит во мне не Элианну. Он зовёт меня, прячет потемневший родовой знак и шепчет, что за закрытой дверью плачет его мама. Теперь я связана с мальчиком древней магией. Если уйду — он останется один на один с проклятием. Если останусь — стану врагом Совета, угрозой для столичной невесты и единственной женщиной, которую генерал-дракон не сможет ни изгнать, ни забыть. Только правда о прошлом может спасти наследника. Но чем ближе я к разгадке, тем опаснее становится вопрос: почему родовой огонь признал меня женой драконьего генерала?

Содержание

Глава 1. Чужая вдова в траурном платье	4
Глава 2. Приговор Северного замка	26
Глава 3. Мальчик с золотыми глазами	52
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Глава 1. Чужая вдова в траурном платье

Когда Лика открыла глаза, над ней не было ни белого потолка, ни ярких ламп, ни знакомого шума большого города за окном. Над ней висели чёрные своды чужого зала, по которым ползли языки синего огня, не давая тепла. Огонь горел в железных чашах, в пастях каменных драконов, на высоких колоннах, но от него становилось только холоднее.

Она лежала не на кровати.

Она сидела на коленях перед гробом.

Пальцы сами сжимали край тяжёлой чёрной ткани, расшитой серебряными нитями. На её руках были тонкие перчатки, на запястьях — браслеты с тусклыми камнями, на груди — чужой медальон, такой холодный, будто его только что вынули из снега. Подол траурного платья распластался вокруг неё тёмным кругом, как крыло огромной птицы. Где-то рядом глухо тянул хор низких мужских голосов, но слов она не понимала. Они звучали так, словно не пели, а запечатывали что-то навсегда.

Лика попыталась вдохнуть глубже, и запах чужого мира ударил сильнее страха: мороз, воск, мокрый камень, горький дым от синих факелов и железа, которым пахли стоящие вокруг мужчины в тёмной военной форме.

В гробу лежала женщина.

Молодая. Бледная. С безупречно уложенными светлыми волосами, в белом платье, с руками, сложенными на груди.

Лица смотрела на неё и медленно, мучительно понимала, что видит собственное лицо.

Не совсем своё. У той женщины были более тонкие черты, чуть острее подбородок, светлее кожа, длиннее ресницы. Но сходство было таким невозможным, что у Лики на несколько мгновений онемели губы. Гроб, траурный зал, чужие люди, чужое тело, чужое имя — всё сложилось в одну страшную мысль, от которой захотелось вскочить и закричать.

Она была на похоронах.

И хор, и свечи, и чёрное платье предназначались женщине, которой она теперь стала.

— Леди Элианна, — прошипел кто-то над самым ухом. — Опустите голову. Не позорьте род ещё сильнее.

Лица повернула голову слишком резко, и зал качнулся. Рядом стояла сухая пожилая женщина в тёмно-сером платье. Её лицо было узким, строгим, губы — плотно сжатыми, глаза — холодными и внимательными. Она не смотрела на Лику с жалостью. Скорее с раздражением, как на непосlušную девочку, которая испортила важную церемонию.

Элианна.

Значит, женщину, в чьём теле она очнулась, звали Элианна.

Лица хотела спросить, где она, что происходит, почему в

гробу лежит копия этого тела, кто все эти люди, но язык будто забыл привычные слова. Вместо этого из горла вырвался только хриплый вдох.

По залу прошёл шёпот.

— Очнулась.

— Слишком поздно.

— Лучше бы не приходила в себя.

— Вдова без мужа... дурной знак.

Последние слова вонзились в сознание особенно резко.

Вдова.

Лица медленно повернула голову и увидела, что зал был полон. На каменных скамьях, вдоль стен, у колонн стояли мужчины и женщины в строгих тёмных нарядах. У многих на висках блестели тонкие чешуйчатые узоры, похожие то ли на украшение, то ли на часть кожи. На их пальцах мерцали кольца с гербами. Взгляды были одинаковыми: холодными, оценивающими, полными злого любопытства.

Они не скорбели.

Они ждали.

Словно это были не похороны, а суд.

За гробом возвышался чёрный каменный алтарь, над которым был высечен дракон с раскрытыми крыльями. В его пасти горел самый яркий синий огонь. Рядом стоял высокий мужчина в серебристо-чёрном плаще. Его лицо скрывала тень от капюшона, но голос, когда он заговорил, оказался сухим и властным:

— Дом Северного Пламени признаёт смерть прежней леди Элианны Альвард. Её имя, её права, её брачный знак и её место в роде отныне считаются погребёнными.

Ли́ка ничего не понимала.

Прежней?

Брачный знак?

Погребёнными?

Она опустила взгляд на свои руки и только теперь заметила на безымянном пальце левой руки широкое кольцо из тёмного металла. Камня в нём не было. Вместо камня — выжженный знак: крыло, перечёркнутое трещиной.

Кольцо сидело так плотно, будторосло с кожей.

— Снимите, — прошептала она, сама не понимая, к кому обращается.

Пожилая женщина рядом впи́лась пальцами в её плечо.

— Молчите, леди.

Ли́ка повернула к ней лицо.

— Где я?

Женщина на мгновение побледнела, но быстро взяла себя в руки.

— Не вздумайте разыгрывать безумие. Здесь Совет, храм рода и весь высший круг. Вам уже ничто не поможет, но можно хотя бы умереть красиво.

Умереть?

Сердце болезненно ударило о рёбра. Ли́ка попыталась подняться, но платье оказалось таким тяжёлым, что она едва

не потеряла равновесие. Несколько голов повернулось к ней. Хор стих. Синий огонь в чашах дрогнул.

— Леди Элианна, — снова произнёс мужчина у алтаря, и теперь в голосе звучало предупреждение. — Ритуал ещё не завершён.

— Какой ритуал? — спросила Лика уже громче.

Зал ахнул.

Пожилая женщина рядом закрыла глаза, будто Лика только что плюнула в фамильный герб.

Мужчина у алтаря не ответил. Он медленно поднял руку, и по каменному полу побежали тонкие линии света. Они окружили гроб, потом скользнули к Лике и замерли у края её платья. Лика отшатнулась. Свет был не горячим, но живым, и от него кожа покрылась мурашками.

— Ритуал вдовьего отречения, — произнёс мужчина. — Дом признаёт, что ваш брак с генералом Каэлем Драгомиром был ошибкой, заключённой под давлением обстоятельств. Дом признаёт, что вы утратили право называться его женой. Дом признаёт, что до решения Совета вы остаётесь вдовой при живом муже.

Вдовою при живом муже.

Эта фраза прокатилась по залу, и люди вокруг зашептались громче.

Лика почувствовала, как по спине прошёл холод. Страх уступал место злости. Может быть, именно она и спасла её от паники. Потому что вокруг происходило безумие, но одно

было ясно: все эти люди уже вынесли приговор женщине, чьё имя ей досталось. И, похоже, теперь собирались заставить её самой склонить голову под этот приговор.

— Если муж жив, — сказала Лика, стараясь говорить ровно, — почему меня называют вдовой?

Тишина стала такой плотной, что слышно было, как где-то высоко под сводами потрескивает синий огонь.

Пожилая женщина сдавленно выдохнула:

— Милостивые крылья...

Кто-то в зале усмехнулся. Кто-то прошептал: «Она смеет спорить». Несколько мужчин в форме переглянулись, и Лика увидела на их лицах не только презрение, но и интерес.

Мужчина у алтаря опустил руку.

— Потому что генерал Драгомир отказался от вас.

Эти слова должны были больно задеть Элианну. Наверное, настоящая хозяйка этого тела пошатнулась бы, заплакала или упала в обморок. Но Лика не знала генерала Драгомира. Не знала, что связывало его с этой женщиной. Не знала, почему в гробу лежала копия её новой внешности и почему живую женщину хоронили вместе с её именем.

Она знала другое.

Когда тебя загоняют в угол, нельзя сразу показывать шею.

Она медленно поднялась на ноги. Колени ослабли, но она удержалась. Траурное платье потянуло вниз, корсет сжал рёбра, в висках стучало, но Лика выпрямила спину.

— Тогда пусть он скажет это мне сам.

На этот раз зал не просто ахнул. Зал зашумел.

— Немыслимо!

— Она требует генерала?

— После всего?

— Совет не должен позволять...

Синий огонь вспыхнул выше, словно откликнулся на её слова.

И в этот момент массивные двери в конце зала открылись.

Не скрипнули, не распахнулись от удара — просто разошлись в стороны, будто камень сам подчинился чужой воле. В зал вошёл мужчина, и все разговоры оборвались.

Лика сразу поняла: это он.

Не потому, что кто-то назвал его имя. Не потому, что люди вокруг склонили головы. Просто пространство изменилось. Стало теснее, холоднее, опаснее. Мужчина шёл медленно, но каждый его шаг отдавался в камне так, будто под полом билось огромное сердце.

Он был высоким, широкоплечим, в чёрном военном мундире без лишних украшений. На груди — знак дракона с опущенными крыльями. На левом плече — серебряная пряжка в форме когтя. Чёрные волосы были собраны на затылке, лицо казалось вырезанным из тёмного камня: резкие скулы, прямой нос, твёрдый рот. Но больше всего пугали глаза. Не синие и не серые — янтарные, с тонким вертикальным зрачком, который сужался, когда он смотрел на неё.

Генерал Каэль Драгомир.

Живой муж мёртвой жены.

Ли́ка поймала его взгляд и на мгновение забыла, что хотела сказать. Не от восхищения. От ощущения, что этот мужчина привык смотреть на поле боя, на горящие крепости, на предателей перед казнью — и не моргать. В нём не было ни растерянности, ни жалости, ни злости напоказ. Только контроль, холод и сдержанная сила.

Он остановился в нескольких шагах от неё. Не поклонился. Не протянул руку. Даже не посмотрел на гроб.

— Ритуал не завершён, лорд Драгомир, — сказал мужчина у алтаря. — Ваше присутствие не требовалось.

— Она потребовала меня, — ответил генерал.

Голос у него был низкий и спокойный. В этом спокойствии было больше угрозы, чем в крике.

Ли́ка сжала пальцы в складках платья. Ей хотелось отступить, но отступить было некуда. За спиной стоял гроб с лицом женщины, которая, возможно, умерла вместо неё. Перед ней — мужчина, которого все здесь боялись. Вокруг — чужой мир, где живую жену можно было объявить вдовой.

— Вы мой муж? — спросила она.

По залу снова прошёл шёпот, но генерал не изменился в лице.

— Был.

Одно слово. Ровное, безжалостное.

Ли́ка заставила себя выдержать паузу.

— Тогда объясните, почему меня хоронят при жизни.

Его взгляд на мгновение скользнул по её лицу. Медленно, внимательно, словно он искал в ней следы лжи. Или безумия. Или той женщины, которую ожидал увидеть.

— Потому что Элианна Альвард умерла в тот день, когда предала мой дом.

В зале кто-то с удовольствием втянул воздух. Вот оно. Люди ждали этих слов. Ждали, что генерал произнесёт обвинение при всех, и тогда ритуал станет не просто формальностью, а публичным клеймом.

Лица почувствовала, как внутри поднимается возмущение. Она не знала, что сделала настоящая Элианна. Возможно, та была виновата. Возможно, нет. Но сейчас обвиняли её. Женщину, которая несколько минут назад очнулась на каменном полу и едва понимала, как не упасть.

— В чём именно предала? — спросила она.

Старуха рядом с ней тихо застонала.

Генерал чуть прищурился. В его глазах мелькнуло что-то, похожее на удивление, но исчезло так быстро, что Лица не была уверена.

— Вы хотите услышать список своих проступков при всём Совете?

— Я хочу понять, за что меня судят.

— Суд уже состоялся.

— Без меня?

— Вы были там.

— Я этого не помню.

Слова вырвались раньше, чем она успела их остановить.

Теперь тишина стала другой. Не возмущённой — настоящей.

Генерал сделал шаг ближе. Лика почувствовала запах холода, металла и ветра, будто этот человек только что вошёл не из коридора, а с вершины заснеженной горы.

— Что именно вы не помните, леди Элианна?

Имя прозвучало как обвинение.

Лика поняла, что правду говорить нельзя. «Я не Элианна, я попала в её тело» — такие слова либо отправят её в темницу, либо на тот самый алтарь. В этом мире, где драконы носили человеческие лица, не стоило сразу признавать себя чужой.

— Падение, — сказала она осторожно. — Боль. Потом этот зал. И вас.

Это было почти правдой.

Лицо генерала осталось непроницаемым, но пожилая женщина рядом с Ликой резко подняла голову.

— Она ударилась при переходе через печать, лорд Драгомир, — быстро сказала она. — Я предупреждала Совет, что ритуал нельзя начинать, пока леди не пришла в себя окончательно.

— Молчите, Марта, — отрезал мужчина у алтаря.

Марта.

Лика запомнила имя.

Генерал всё ещё смотрел на неё. В этом взгляде не было

доверия. Только расчёт.

— Потеря памяти удобна, — сказал он наконец. — Особенно для того, кто не хочет отвечать.

— А публичное унижение удобно для того, кто уже решил не слушать, — ответила Лика.

Она сама удивилась собственной дерзости. Наверное, от страха люди делились на тех, кто плакал, и тех, кто начинал злиться. Лика явно относилась ко вторым.

Несколько человек в зале возмущённо зашумели. Марта схватила её за локоть, но Лика не отвела глаз от генерала.

На мгновение угол его губ едва заметно дрогнул. Не улыбка. Скорее опасное признание того, что удар достиг цели.

— Вы многое себе позволяете для женщины, лишённой защиты, — сказал он.

— Защиту у меня отняли до того, как я поняла правила.

— Правила просты. Вы больше не моя жена. Вы не имеете права на моё имя, мой дом, моё крыло и мой родовой огонь. До окончательного решения Совета вы будете жить там, где вам укажут, говорить тогда, когда вас спросят, и не приближаться к тем, кого я обязан защищать.

Последние слова он произнёс иначе. Тише. Жёстче. В них было что-то личное.

Лика уловила это сразу.

— Кого? — спросила она.

Генерал не ответил.

Но зал ответил вместо него — новым шёпотом, почти ра-

достным, почти злым.

— Она не знает...

— Конечно, делает вид.

— Даже о мальчике забыла?

— Или боится вспоминать.

Мальчик.

Лица резко повернула голову, но среди взрослых лиц не увидела ни одного ребёнка.

— Довольно, — произнёс мужчина у алтаря. — Лорд Драгомир, Совет требует завершить ритуал. Ваше слово необходимо, чтобы снять с рода остаток брачной связи.

Генерал медленно перевёл взгляд с Лики на алтарь.

— Я дам слово.

Марта рядом сжала её локоть сильнее.

— Склоните голову, — прошептала она едва слышно. — Ради собственной жизни, склоните голову.

Лица не знала, что в этом мире означало «ради жизни», но понимала: сейчас её заставят принять чужую вину. Поставить печать на том, чего она не совершала. И, может быть, лишит себя единственного шанса разобраться, куда она попала и почему именно в это тело.

Генерал подошёл к алтарю. Синий огонь осветил его лицо снизу, превратив резкие черты почти в маску. Он положил правую руку на камень, и по залу прошёл низкий гул. Где-то под сводами зашевелился ветер, хотя дверей больше не открывали.

— Я, Каэль Драгомир, глава Северного Пламени, генерал пограничных легионов и хранитель родового огня, признаю брак с Элианной Альвард ошибкой.

Каждое слово падало тяжело, как камень в воду.

Лица стояла неподвижно.

— Я признаю, что эта женщина утратила право называться моей женой.

Свет на полу пополз к её кольцу. Металл на пальце стал холоднее.

— Я признаю, что её поступки принесли позор моему дому.

Лица стиснула зубы. Что бы ни сделала Элианна, она сейчас не могла защититься. Зато Лица могла.

— И я признаю, — продолжил генерал, — что отныне она не имеет власти над наследником Северного Пламени.

Синий свет вспыхнул.

Боль пронзила палец так неожиданно, что Лица вскрикнула и схватилась за кольцо. Металл сжался, будто живой. На внутренней стороне запястья проступил знак — тонкая тёмная линия, похожая на крыло. Она загорелась золотом, но тут же почернела по краям.

В зале раздался испуганный шёпот.

Мужчина у алтаря резко шагнул вперёд.

— Невозможно.

Генерал повернулся к Лице так быстро, что его плащ взметнулся чёрной волной.

— Что это?

— Откуда мне знать? — выдохнула она, прижимая руку к груди.

Марта смотрела на её запястье с ужасом.

— Печать откликнулась...

— Она не должна была откликнуться, — холодно сказал мужчина у алтаря. — Связь с наследником разорвана три месяца назад.

Наследник.

Снова это слово.

Ли́ка хотела спросить, кто этот ребёнок, что с ним и почему все смотрят на её руку так, будто она только что вызвала бурю, но в этот момент двери сбоку открылись.

В зал вбежала молодая служанка. Лицо у неё было белым, глаза расширены от страха. Она не сразу решилась говорить, только опустила в неловком поклоне.

— Лорд Драгомир...

Генерал не повысил голоса, но все услышали:

— Что случилось?

Служанка судорожно сглотнула.

— Маленький лорд проснулся. Он... он снова зовёт её.

Все взгляды обрушились на Ли́ку.

Генерал побледнел. Не сильно, почти незаметно, но Ли́ка увидела: вот это его задело. Не обвинения, не ритуал, не шёпот Совета. Ребёнок.

— Кого зовёт? — спросила она тихо.

Служанка посмотрела на неё так, будто боялась даже произнести ответ.

— Вас, леди.

Марта перекрестила пальцы странным жестом.

Мужчина у алтаря резко сказал:

— Это невозможно. Ребёнка нельзя приводить сюда. Ритуал должен быть завершён.

— Ритуал подождёт, — произнёс генерал.

— Лорд Драгомир, Совет не позволит этой женщине...

Генерал повернул голову, и мужчина у алтаря замолчал на полуслове.

— Совет не будет указывать мне, когда мой сын зовёт на помощь.

Сын.

У генерала был сын.

Лица вдруг поняла, почему в его голосе звучала такая ненависть, когда он говорил о защите. Почему все шептались о мальчике. Почему её лишали власти над наследником, хотя она не помнила даже его имени.

Генерал подошёл к ней и остановился слишком близко. Его взгляд упал на почерневший знак на её запястье.

— Вы пойдёте со мной.

Это не было просьбой.

— А если я откажусь?

— Тогда я решу, что вы вспомнили достаточно, чтобы бояться встречи с моим сыном.

Ли́ка подняла подбородок.

— Я не боюсь ребёнка.

— Его боятся многие.

В этих словах не было насмешки. Только сухая правда.

Марта тихо произнесла:

— Леди, не надо. Маленького лорда нельзя тревожить после заката.

Генерал не посмотрел на неё.

— Его уже потревожили.

Ли́ка опустила взгляд на свою руку. Знак больше не горел, но под кожей словно оставалось тёплое эхо. Не боль. Не ожог. Скорее зов, слабый и отчаянный, как ладонь ребёнка, стучащая в закрытую дверь.

Она не знала этого мира. Не знала генерала. Не знала Элианну Альвард, которую здесь ненавидели. Но если где-то рядом был ребёнок, которого боялись взрослые, которого использовали в своих речах и ритуалах, которого называли наследником так, будто это было не право, а приговор, — она не могла просто стоять и молчать.

— Ведите, — сказала Ли́ка.

Генерал смотрел на неё ещё мгновение, потом развернулся.

Зал расступился перед ним. Перед ней — не сразу. Люди отходили медленно, неохотно, будто она несла на себе сразу позора. Ли́ка чувствовала их взгляды спиной, слышала шёпот, ловила обрывки слов: «самозванка», «проклятие»,

«мальчик», «печать», «вдова». Каждое слово было новым камнем в стене, за которой пряталась правда.

Они вышли из траурного зала в длинный коридор. Здесь было холоднее. Узкие окна смотрели в ночь, за ними метелась метель, хотя ещё несколько минут назад Ли́ка была уверена, что на дворе день. Или в этом мире ночь наступала иначе. Или храм стоял высоко в горах.

Она шла рядом с генералом, стараясь не наступать на подол платья. Ткань цеплялась за каменные плиты, корсет мешал дышать, в голове шумело. Но она не позволила себе попросить остановиться.

— Как его зовут? — спросила она.

Генерал не сразу ответил.

— Арден.

Имя прозвучало неожиданно мягко. Может быть, из-за того, что впервые за всё время он сказал не приговор и не обвинение.

— Сколько ему лет?

— Пять.

Пять.

Совсем маленький.

Ли́ка сжала пальцы.

— Почему его боятся?

Генерал остановился так резко, что она едва не врезалась в него. В коридоре они оказались одни: стражники держались на расстоянии, Марта осталась позади, служанка тороп-

ливо шла впереди и не оглядывалась.

— Вы правда ничего не помните? — спросил он.

Ли́ка могла соврать увереннее. Могла сказать: «Правда». Но его взгляд был слишком внимательным, а её положение слишком шатким.

— Я помню не то, что от меня ждут.

Это была самая честная ложь, на которую она была способна.

Генерал долго молчал. Потом тихо произнёс:

— Моего сына считают проклятым с той ночи, когда вы вошли в детскую без разрешения.

Ли́ка похолодела.

— Я?

— Элианна.

Он произнёс имя так, будто проводил между ними невидимую черту. И всё же смотрел на неё, а не на призрак прежней жены.

— Что случилось в ту ночь?

— Это я и хочу услышать от вас.

— Я не знаю.

— Удобно.

— Да, — сказала Ли́ка устало. — Очень удобно очнуться на собственных похоронах, услышать, что тебя ненавидит живой муж, узнать, что есть ребёнок, которого все считают проклятым, и при этом не понимать, как застёгивается это проклятое платье. Просто верх удобства.

Генерал неожиданно замолчал.

Впервые в его взгляде появилось нечто человеческое. Не доверие, нет. Но тонкая трещина в холодной уверенности.

— Вы говорите не как она, — сказал он.

Лица почувствовала, как сердце сбилось.

— Может быть, ваша Элианна тоже устала говорить так, как от неё ждали.

— Моя Элианна не уставала. Она рассчитывала.

От этого «моя» ей почему-то стало неприятно.

Служанка остановилась у высоких дверей, украшенных резьбой в виде переплетённых крыльев. Из-за двери доносился слабый звук. Не плач. Скорее тихое повторяющееся бормотание, от которого у Лики сжалось горло.

— Он никого не подпускает, милорд, — прошептала служанка. — Только зовёт. И знак снова потемнел.

— Открой, — сказал генерал.

Служанка дрожащими руками коснулась двери. Та поддавалась без скрипа.

Комната за дверью была большой, но неудобной. Слишком высокая для ребёнка, слишком тёмная, слишком торжественная. На стенах висели тяжёлые гобелены с драконами, у камина горел всё тот же синий огонь, а в центре огромной кровати сидел маленький мальчик.

Он был очень бледным. Тёмные волосы падали на лоб, тонкие плечи прятались под одеялом, пальцы судорожно сжимали край ткани. Но глаза у него были такими же, как у

генерала, — золотыми, только без холодной взрослой брони.

Мальчик увидел Лику и перестал бормотать.

Генерал шагнул вперёд.

— Арден.

Ребёнок не посмотрел на него. Его взгляд был прикован к Лике. В нём не было страха, которого она ожидала. Было другое — мучительное узнавание и такая надежда, что у неё перехватило дыхание.

— Ты пришла, — сказал мальчик.

Голос у него был тихий, хрипловатый после долгого плача или сна.

Лика медленно подошла ближе, но остановилась в нескольких шагах от кровати. Она не знала, имела ли право прикасаться к нему. Не знала, что сделала прежняя Элианна. Не знала, почему этот ребёнок звал именно её.

— Я пришла, — сказала она мягко. — Ты меня звал?

Мальчик кивнул. Его маленькие пальцы разжались, и он поднял руку.

На его запястье проступал такой же знак, как у Лики. Только у неё он был похож на потемневшее крыло, а у ребёнка — на тонкую трещину, бегущую по золотому узору.

Генерал за её спиной резко вдохнул.

Лика осторожно присела рядом с кроватью, чтобы быть с мальчиком на одном уровне. Она не стала касаться его руки. Только протянула свою ладонь рядом, открыто, не настаивая.

— Я не причиню тебе зла, Арден.

Мальчик смотрел на неё долго, слишком серьёзно для пяти лет. Потом осторожно вложил свои пальцы в её ладонь.

Знак на её запястье вспыхнул тёплым золотым светом.

Синий огонь в камине погас.

Служанка вскрикнула. Генерал оказался рядом мгновенно, но не оттолкнул Лику. Он смотрел на их соединённые руки так, будто увидел невозможное.

Арден вдруг всхлипнул, но это был не плач от боли. Скорее облегчение, слишком большое для маленького тела.

— Я говорил, — прошептал он. — Я говорил, что она не та.

Лица подняла глаза на генерала.

Тот стоял неподвижно. Его лицо снова стало жёстким, но теперь за этой жёсткостью пряталось что-то опаснее гнева. Понимание.

— Что значит «не та»? — спросил он сына.

Арден крепче сжал пальцы Лики.

— Та была холодная, — сказал мальчик едва слышно. — А эта... эта слышит огонь. Она сможет открыть дверь.

Лица почувствовала, как по коже прошёл новый, уже не ледяной, а горячий холод.

— Какую дверь? — спросила она.

Мальчик посмотрел не на неё и не на отца, а куда-то в тёмный угол комнаты, где гобелен с драконом едва заметно шевельнулся от сквозняка.

— Ту, за которой плачет мама.

Глава 2. Приговор Северного замка

— Ту, за которой плачет мама.

Слова ребёнка прозвучали так тихо, что Лика сначала решила: ей послышалось. В комнате не было никакой двери в тёмном углу, только тяжёлый гобелен с вытканым драконом, свившимся вокруг башни. Синий огонь в камине погас, и теперь единственным светом оставалось золотое сияние, тонко пульсирующее под кожей на её запястье и на руке маленького Ардена.

Генерал стоял рядом, не двигаясь. Его лицо вновь стало непроницаемым, но Лика чувствовала, что в нём что-то изменилось. Не смягчилось — нет, до мягкости этому человеку было далеко. Скорее напряглось, как сталь перед ударом.

— Арден, — произнёс он ровно. — Посмотри на меня.

Мальчик не послушался. Он продолжал смотреть в тёмный угол, где гобелен едва заметно шевелился, хотя окна были закрыты, а сквозняка в комнате не чувствовалось. Его пальцы всё ещё держали Ликину ладонь. Маленькие, горячие, упрямые.

— Она там, — прошептал ребёнок. — Но дверь не открывается для холодных.

Лика медленно повернула голову к гобелену. Сначала она

видела только ткань, старую, тёмную, с серебряными нитями, которые в слабом свете казались острыми, как иней на стекле. Потом ей почудилось, что вытканная башня на рисунке стала глубже, а вокруг её основания проступила тонкая золотая линия.

Будто шов.

Будто скрытый проход, который пытался вспомнить, что когда-то был дверью.

— Не трогайте, — сказал генерал.

Он не повысил голоса, но Лика всё равно замерла. В его тоне было не только приказание. В нём был страх, так тщательно спрятанный, что другой мог бы его не заметить.

Она заметила.

— Я и не собиралась, — ответила она так же тихо.

— Собирались.

— Я смотрела.

— В этом доме слишком часто беда начинается с того, что кто-то просто смотрит.

Лика подняла на него глаза. Ей хотелось спросить, что произошло в этом доме, почему пятилетний ребёнок говорит о плачущей матери, почему её собственная рука откликается на чужую родовую печать и почему все делают вид, будто умершую можно похоронить, а живую — стереть. Но Арден рядом судорожно вдохнул, и все вопросы отступили.

Мальчик качнулся вперёд. Лика успела придержать его за плечо, не притягивая, просто помогая не упасть. Он был лёг-

кий, почти невесомый под тёплым одеялом, и от этого в груди стало больно. Не от жалости даже — от злости на всех взрослых, которые сумели превратить такого маленького ребёнка в центр суда, страха и шёпота.

— Тише, — сказала она. — Я здесь. Дыши спокойно.

Арден послушался не сразу. Он сделал один неровный вдох, потом второй, затем уткнулся лбом в её ладонь. Это движение было таким доверчивым, что Лика на мгновение растерялась. В её прежней жизни она никогда не была матерью. Не успела. У неё были работа, вечная усталость, недописанные сообщения, покупки на бегу и привычка держаться собранно, потому что иначе всё развалится. А теперь чужой ребёнок держался за неё так, будто она была единственным тёплым местом в огромном ледяном мире.

Генерал сделал шаг к кровати.

Арден тут же напрягся.

Каэль заметил это. Остановился. Пальцы его правой руки сжались, будто он хотел коснуться сына, но сам себе запретил.

Лика увидела этот короткий жест и впервые подумала, что холод этого мужчины может быть не только бронёй против других. Возможно, он носил её ещё и потому, что боялся одним неверным движением причинить боль тем, кого пытался защитить.

— Маленький лорд должен отдохнуть, — дрожащим голосом сказала служанка у двери. — После такого всплеска...

Она осеклась под взглядом генерала и опустила голову.

— Выйдите, — приказал Каэль.

Служанка поспешно поклонилась и исчезла за дверью.

Лика хотела убрать руку, но Арден удержал её.

— Не уходи.

Детская просьба прозвучала почти беззвучно, но в комнате стало от неё тяжелее. Генерал смотрел на сына, и впервые за всё время Лика увидела на его лице не гнев, не подозрение и не презрение. Усталость. Мрачную, глубокую, привычную.

— Я не уйду сразу, — сказала она осторожно. — Но мне нужно понять, что можно, а что нельзя.

Арден поднял глаза.

— Ты не будешь снова холодной?

Вопрос ударил сильнее любого обвинения Совета.

Лика медленно выдохнула.

— Не буду.

— Обещаешь?

Она не знала, какие клятвы в этом мире считались опасными. Не знала, может ли обычное слово стать частью обряда, ловушкой или цепью. Но перед ней был ребёнок, и он просил не власти, не защиты рода, не невозможного чуда. Он просил, чтобы рядом с ним больше не было холода.

— Обещаю, что не причиню тебе зла, — сказала она. — И не стану притворяться, будто понимаю больше, чем понимаю на самом деле.

Арден будто удовлетворился этим странным для ребёнка

ответом. Его пальцы ослабли, веки начали опускаться. Золотая линия на запястье побледнела, но не исчезла совсем.

Генерал молчал до тех пор, пока мальчик не откинулся на подушки. Тогда он тихо произнёс:

— Достаточно.

Лица медленно высвободила руку. В тот же миг синий огонь в камине вспыхнул снова, но уже не ярко, а осторожно, будто боялся потревожить ребёнка. Гобелен в углу перестал шевелиться. Комната вернулась в прежнюю неподвижность, только прежней она уже не казалась.

У двери их ждала Марта. Пожилая женщина стояла так прямо, будто за это время успела собрать себя по кускам. Но, когда её взгляд упал на руку Лики, в лице снова мелькнул страх.

— Лорд Драгомир, — сказала она вполголоса. — Совет требует вашего возвращения в зал.

— Совет подождёт.

— Боюсь, уже нет.

За её спиной в коридоре раздались шаги. Несколько человек приближались уверенно, без спешки, и Лица сразу поняла: это не слуги. Так ходили те, кто привык входить без разрешения.

Генерал коротко посмотрел на сына, потом на Лику.

— Вы останетесь здесь.

— Со мной? — спросила она.

— Под охраной.

— Разумеется, — не удержалась Лика. — А я уже почти решила, что вы начали мне доверять.

Его взгляд стал холоднее.

— Я начал учитывать, что вы опаснее, чем казались.

— Для кого? Для пятилетнего ребёнка, который сам меня позвал?

— Для всех, если вы и правда открываете то, что было запечатано.

Лика хотела ответить, но дверь распахнулась.

В комнату вошёл тот самый мужчина в серебристо-чёрном плаще, который вёл ритуал у алтаря. Теперь при ярком свете она лучше разглядела его лицо: гладкое, бледное, слишком спокойное для человека, вокруг которого рушился собственный обряд. За ним стояли двое мужчин в тёмных камзолах и женщина с высоким воротником, украшенным серебряными пластинами. У всех на висках поблёскивали чешуйчатые узоры.

Совет драконов пришёл за ней сам.

— Лорд Драгомир, — произнёс мужчина, не глядя на Ликку. — Вы нарушили порядок ритуала.

— Мой сын позвал на помощь.

— Ваш сын находится под влиянием нестабильной родовой печати. Тем более нельзя было приводить к нему женщину, по вине которой эта печать исказилась.

Лика сжала пальцы. Ей хотелось сказать, что никто её никуда не приводил, а она вообще очнулась здесь меньше часа

назад и всё ещё не получила ни одного нормального ответа. Но она удержалась. Чем дольше она слушала, тем яснее становилось: эти люди ждали от неё истерики, оправданий или покорности. Значит, лучше не давать им ни того, ни другого, ни третьего.

— Она не прикасалась к печати без разрешения, — сказал генерал.

Мужчина в плаще наконец повернулся к ней.

— Неужели? А погасший огонь в покоях наследника — тоже случайность?

— Если бы я знала, как это произошло, — сказала Лика, — я бы уже объяснила.

— Потеря памяти снова спасает вас от ответа?

— Нет. Она мешает мне понять, почему все вокруг знают так много и при этом говорят так мало.

Женщина из Совета с серебряным воротником едва заметно усмехнулась.

— Узнаю дерзость Альвардов.

Марта быстро шагнула ближе к Лике.

— Леди перенесла тяжёлый переход через печать. Она плохо помнит события.

— Зато помнит, как спорить, — заметил один из советников.

Генерал повернул голову.

— Если Совет пришёл говорить, говорите. Если обвинять — вернитесь в зал. Я не позволю устраивать суд в комнате

моего сына.

В этих словах была такая власть, что даже люди Совета на мгновение умолкли.

Мужчина в плаще сложил руки перед собой.

— Хорошо. Тогда Совет вынесет решение здесь, без лишней торжественности. Ритуал вдовьего отречения не завершён, потому что родовая печать неожиданно откликнулась. Полностью снять брачную связь сегодня невозможно. Но оставлять леди Элианну рядом с наследником в столичном храме — слишком рискованно. Оставлять её без надзора — тем более.

Лика почувствовала, как внутри всё сжалось.

Вот оно. Приговор.

— Совет постановил, — продолжил он, — до окончательного разбирательства отправить леди Элианну Альвард в Северный замок Драгомиров. Формально она сохраняет статус вдовы при живом муже, но лишается права распоряжаться имуществом, носить знак супруги главы рода и появляться при дворе без сопровождения.

— Вы отправляете меня в его дом? — спросила Лика, не удержавшись.

— В дальний родовой замок, — поправила женщина с серебряным воротником. — Туда, где стены помнят клятвы лучше людей. Там ваша печать либо погаснет, либо проявит истинную причину своего отклика.

Прозвучало красиво. Почти благородно.

Но Лика услышала другое: её увозят подальше от свидетелей.

Генерал, похоже, услышал то же.

— Северный замок закрыт с прошлого месяца.

— Именно поэтому он подходит, — сказал мужчина в плаще. — Там меньше посторонних глаз.

— Там крыло наследника.

— Маленький лорд поедет вместе с вами.

В комнате стало так тихо, что потрескивание камина показалось оглушительным.

Каэль не двинулся, но Лика увидела, как изменилась линия его плеч. Ещё мгновение назад он был просто опасным. Теперь — смертельно.

— Нет.

Одно слово. Низкое, спокойное, окончательное.

Советник не отступил.

— Печать наследника откликнулась на неё. Мы все это видели. Разлучение может быть опаснее присутствия.

— Мой сын не станет частью ваших проверок.

— Ваш сын уже часть родовой беды, лорд Драгомир. Как и эта женщина. Вы можете сколько угодно презирать её, но огонь признал связь там, где её не должно было быть. Если вы откажетесь подчиниться, Совет будет вынужден временно ограничить ваши права хранителя до выяснения обстоятельств.

Марта тихо ахнула.

Ли́ка не знала местных законов, но по лицу генерала поняла: угроза была серьёзной. Не пустой. У него могли отнять не просто должность или власть. У него могли отнять сына.

И весь зал, весь ритуал, все унижения вдруг предстали под другим углом. Ли́ку не просто объявляли вдовой. Её превращали в рычаг. В повод давить на генерала. В удобную виновницу для любой беды, которая уже случилась или ещё случится.

— Вы решили всё заранее, — сказала она.

Советник перевёл на неё взгляд.

— Осторожнее, леди Элианна.

— Зачем? Я ведь уже без прав, без имени и под надзором.

Осталось только запретить мне думать вслух.

Женщина из Совета подняла бровь.

— Очень смело для той, кто не помнит даже собственной вины.

— Именно поэтому я и хочу её узнать, а не подписывать всё, что мне кладут под руку.

— Вам никто ничего подписывать не предлагает.

— Конечно. Здесь предпочитают печати и ритуалы. Так выглядит солиднее.

Марта чуть слышно прошептала:

— Леди...

Но Ли́ка уже не могла остановиться. Она была напугана, растеряна, у неё болела голова, чужое платье сдавливало грудь, а чужой мир с первых минут пытался решить за

неё, кем она была, что сделала и где теперь будет жить. Ещё немного — и её просто понесёт течением. А она слишком хорошо знала: стоит один раз позволить другим говорить за тебя, потом собственный голос придётся выцарапывать обратно.

Генерал неожиданно шагнул перед ней, закрывая от Совета половиной плеча.

— Довольно. Она поедет в Северный замок.

Лица резко посмотрела на него.

— Что?

Он не обернулся.

— Под моей охраной. Арден поедет тоже, но останется в моём крыле. Ни один человек Совета не приблизится к нему без моего разрешения.

Мужчина в плаще чуть склонил голову.

— Это разумно.

— Это не согласие с вами, Вейран. Это способ не дать вам увезти моего сына отдельно.

Вейран.

Лица запомнила и это имя.

Советник улыбнулся краем губ.

— Как пожелаете, лорд Драгомир. Выехать следует до рассвета. Чем дольше печать находится в столичном храме, тем больше слухов появится.

— Слухи появятся в любом случае, — сухо сказал Каэль.

— Но ими можно управлять. Официально будет объявляе-

но, что вдова отправлена в Северный замок для завершения траурного срока и очищения имени рода.

Ли́ка сжала зубы.

Очищения имени рода.

Как ловко они выбирали слова. Не пленница — вдова. Не ссылка — траурный срок. Не надзор — безопасность. Не страх — порядок.

— А если я откажусь ехать? — спросила она.

Вейран посмотрел на неё с почти искренним любопытством.

— Вы предпочитаете вернуться в зал и завершить ритуал без защиты лорда Драгомира?

Ответ был ясен.

У неё не было выбора. Только разные формы клетки.

— Я поеду, — сказала Ли́ка. — Но не потому, что признаю вашу правоту.

— Ваше признание не требуется.

— Вот это я уже поняла.

Вейран задержал на ней взгляд. Не злой. Оценивающий. Будто она была не женщиной в траурном платье, а вещь с неизвестным свойством, которую пока не решили — сломать или использовать.

— Северный замок умеет задавать вопросы лучше Совета, леди Элианна. Надеюсь, вы выдержите его ответы.

После этих слов он развернулся и вышел. Остальные последовали за ним. Дверь закрылась не громко, но Ли́ка всё

равно почувствовала, будто перед ней захлопнулась решётка.

Марта тут же подошла к кровати, проверяя, не проснулся ли Арден. Мальчик спал беспокойно, прижимая руку к груди. Тонкая золотая линия на его запястье то тускнела, то снова проступала под кожей.

Генерал стоял у двери, не сводя взгляда с сына.

— Вы довольны? — спросила Лика.

Он медленно повернулся.

— Осторожнее с тоном.

— Я проснулась на похоронах, меня называли предательницей, вдовой при живом муже, угрозой ребёнку, а теперь отправляют в замок под охраной. Какой тон вы считаете подходящим для такой ситуации?

— Тот, который поможет вам прожить дольше.

— Замечательно. Значит, в вашем мире выживают только молчащие?

— В моём мире выживают те, кто понимает, когда слова становятся оружием против них самих.

Это было сказано без злобы. И оттого прозвучало хуже. Не как упрёк, а как опыт.

Лика устало провела рукой по лбу и тут же почувствовала, как мешает тонкая сетка траурной вуали, приколотая к волосам. Ей захотелось сорвать с себя всё это — платье, перчатки, кольцо, чужое имя, чужую вину. Но вместо этого она заставила себя дышать ровно.

— Что меня ждёт в Северном замке?

— Стены. Стража. Метель. И меньше людей, готовых растерзать вас ради красивой речи.

— Утешительно.

— Я не утешаю.

— Я заметила.

Он подошёл ближе. Не резко, но пространство между ними снова стало слишком маленьким. Лица не отступила. Она уже поняла: стоит отойти — он сочтёт это страхом, стоит сделать шаг вперёд — вызовом. С этим мужчиной любое движение превращалось в знак.

— Вы будете жить в западном крыле, — сказал он. — Не покидать его без разрешения. Не входить в покои Ардена ночью. Не приближаться к родовому огню. Не разговаривать со слугами о том, что произошло в храме. Не пытаться бежать.

— А дышать можно по расписанию или как получится?

В его глазах мелькнуло раздражение.

— Я говорю серьёзно.

— Я тоже. Вы перечисляете запреты так уверенно, будто я уже виновна.

— Для меня вы не невиновны.

Лица замолчала.

Эти слова оказались неожиданно болезненными. Не потому, что она ждала от него доверия. Глупо было бы ждать доверия от мужчины, который считал её причиной беды своего сына. Но всё равно внутри поднялась горячая, почти детская

обида. Её бросили в чужой мир без объяснений, а первый человек, который мог хоть что-то знать, смотрел на неё как на преступницу.

— Тогда зачем вы закрыли меня от Совета? — спросила она тише.

Генерал не ответил сразу.

— Потому что Совет охотится не только за вами.

— За Арденом?

— За всем, что может дать власть над моим домом.

— И я теперь тоже часть этого?

Он посмотрел на её запястье.

— После того, что произошло у кровати сына, — да.

Лица опустила рукав, скрывая знак. Ей стало неудобно от его взгляда. Не женского смущения — нет. Скорее от ощущения, что её тело теперь стало картой, на которой другие читают дороги, неизвестные ей самой.

— Я не просила этой связи.

— Но она появилась.

— И что, если я действительно ничего не помню?

— Тогда вам придётся вспомнить.

— А если нечего вспоминать?

Он шагнул ещё ближе.

— Не играйте со мной, леди Элианна.

Имя опять ударило, как чужая пощёчина.

— Не называйте меня так.

Генерал замер.

Лика сама поняла, что сказала лишнее. Слишком резко. Слишком лично. Но слово уже прозвучало.

— Как же мне вас называть? — спросил он очень тихо.

Она могла бы назвать своё настоящее имя. Лика. Просто Лика. Сказать — и, возможно, наконец почувствовать, что хоть что-то осталось её собственным. Но рядом спал Арден, за дверью ходили люди Совета, а на её пальце всё ещё было чужое кольцо.

— Пока никак, — ответила она. — Если каждое имя здесь означает чей-то приговор, я лучше обойдусь без имени.

Каэль смотрел на неё долго. Потом произнёс:

— Вы слишком хорошо защищаетесь для женщины, которая ничего не понимает.

— А вы слишком хорошо нападаете для человека, который хочет услышать правду.

На этот раз он не ответил. Только отвернулся к сыну.

Марта, всё это время молчавшая у кровати, подняла голову.

— Лорд Драгомир, если выезд до рассвета, маленького лорда нужно подготовить к дороге. Леди тоже. Она в ритуальном платье. Так нельзя ехать на север.

— Займитесь.

— Мне потребуется доступ к её комнатам.

Лика едва заметно напряглась.

Её комнаты. Комнаты Элианны. Место, где могли быть ответы или новые ловушки.

Генерал заметил и это.

— Вы пойдёте с Мартой, — сказал он. — Возьмёте только необходимое.

— А если среди моих вещей есть что-то важное?

— Тогда Марта это увидит.

— То есть вы приставляете ко мне надзирательницу.

Марта обиделась, но промолчала.

Каэль сказал:

— Я приставляю к вам единственного человека в этом доме, который сегодня пытался удержать вас от смерти.

Лика невольно посмотрела на пожилую женщину. Та отвела глаза, и в этом движении было слишком много усталой правды.

— Хорошо, — сказала Лика. — Я пойду с Мартой.

— И ещё.

Она уже взялась за край плаща, чтобы не запутаться в платье, но остановилась.

Генерал говорил негромко, чтобы не разбудить сына, и от этого каждое слово стало тяжелее.

— В Северном замке вы будете под моей защитой, пока не докажете, что опасны для Ардена. Но не перепутайте защиту с доверием. Один шаг в сторону, одна попытка скрыться, один разговор с теми, кто придёт от Совета, — и вы потеряете последнее, что у вас осталось.

Лика медленно повернулась к нему.

— И что же у меня осталось?

Его взгляд скользнул к спящему ребёнку.

— Право находиться рядом с тем, кто почему-то вам верит.

Она ничего не ответила. Не потому, что нечего было сказать. Просто в этот раз он попал точно.

Марта вывела её из комнаты боковым коридором. За дверью стояли двое стражников с чёрными плащами и серебряными застёжками. Они поклонились генералу, но на Лику посмотрели без уважения. Один — с подозрением, второй — с откровенным страхом.

Значит, так теперь будет всегда.

В коридорах храма стало оживлённее. Где-то отдавали приказы, скрипели сундуки, хлопали двери. Ночь за окнами густела, метель билась о стекло белыми ладонями. Лика шла за Мартой и пыталась запомнить дорогу, но храм оказался похож на каменный лабиринт. Каждая арка — как пасть, каждый поворот — как чужая мысль, каждая тень — как шёпот за спиной.

— Не сердите его, — вдруг сказала Марта.

Лика усмехнулась без радости.

— Сложно не сердить человека, который уже решил, что я виновата.

— Лорд Драгомир решил меньше, чем мог.

— Это должно меня успокоить?

Марта остановилась у узкой лестницы и обернулась. Впервые её лицо стало не строгим, а почти человеческим.

— Если бы он поверил Совету до конца, вы бы не вышли из ритуального зала.

Ли́ка почувствовала неприятный холод между лопаток.

— Меня хотели убить?

— Здесь не используют таких слов.

— А что используют?

— Отречь. Очистить. Погасить связь. Вернуть роду покой.

Ли́ка горько усмехнулась.

— В вашем мире красивые слова делают страшные вещи приличными.

Марта посмотрела на неё странно.

— Не в нашем, леди. Во всех.

На это Ли́ка не нашла ответа.

Комнаты Элианны находились в другом крыле храма. Не спальня — временные покои, приготовленные для ритуала. На резной ширме висело несколько платьев, на столе стояла шкатулка, рядом лежали перчатки, гребни, свёрнутые ленты и маленькое зеркальце в серебряной оправе. У окна — дорожный сундук, ещё пустой.

Ли́ка подошла к зеркалу и замерла.

Собственное чужое лицо смотрело на неё из глубины потускневшего стекла. Светлые волосы, бледная кожа, тонкая шея в чёрном вороте, глаза — её глаза, только в непривычной оправе. Не Элианнины, подумала она вдруг. Глаза точно были её. В них не было ни холодного расчёта, о кото-

ром говорил генерал, ни привычки к власти, ни уверенности женщины, выросшей среди драконов и Советов. В них были усталость, злость и упрямое желание не исчезнуть окончательно.

— Вы правда не помните, как надевать дорожное платье?

— спросила Марта.

— Правда.

Пожилая женщина поджала губы, но комментировать не стала. Она достала из сундука тёмно-синее платье плотной ткани, без серебряной вышивки и тяжёлого шлейфа. Лица была готова благодарить его уже за одно то, что в нём можно было нормально ходить.

Переодевание оказалось унизительно сложным. Завязки, крючки, нижние слои, застёжки сбоку — всё будто было придумано для того, чтобы женщина не могла справиться без чужих рук. Марта помогала молча, только иногда коротко велела поднять руку или повернуться. Когда траурное платье наконец сползло тяжёлой чёрной грудой на пол, Лица почувствовала, что может вдохнуть почти свободно.

— Что взять? — спросила она, подходя к столу.

— То, что принадлежит вам.

— Я не знаю, что принадлежит мне.

Марта замерла.

Эта простая фраза почему-то подействовала на неё сильнее всех прежних споров. Она посмотрела на Лику не как на преступницу и не как на госпожу, за которой надо при-

смаатривать, а как на человека, который действительно стоит посреди чужой комнаты и не знает, имеет ли право прикоснуться к собственному гребню.

— Тогда возьмём самое необходимое, — сказала она уже мягче.

Они сложили в сундук несколько платьев, тёплый плащ, бельё, простые перчатки, гребень, пару лент и маленький кошель с монетами. Лика заметила на столе тонкую книжицу в тёмной обложке.

— Это моё?

Марта быстро посмотрела на книжицу.

— Дневник леди Элианны.

Лика потянулась к нему, но Марта накрыла обложку ладонью.

— Не здесь.

— Почему?

— Потому что, если в нём есть то, чего не должен видеть Совет, лучше открыть его уже за стенами храма.

Лика медленно кивнула. Значит, Марта не только следила. Она ещё и думала, на чьей стороне выгоднее молчать. Или, может быть, у неё были свои причины не доверять Совету.

Дневник лёг на самое дно сундука, под сложенное платье.

Перед самым выходом Лика заметила в шкатулке тонкую цепочку с крошечным кулоном в форме раскрытого крыла. Украшение было скромным, почти детским. Не похоже на

вещи женщины, которую все обвиняли в расчёте.

— А это?

Марта побледнела.

— Лучше не надо.

— Почему?

— Это принадлежало первой леди Драгомир.

Лица медленно опустила цепочку обратно.

— Матери Ардена?

— Да.

— Почему оно здесь, среди вещей Элианны?

Марта не ответила.

И это молчание стало первым настоящим ответом.

Через полчаса они вышли во внутренний двор храма. Ночь была чёрной и белой одновременно: небо нависало тяжёлое, беззвёздное, а снег летел так густо, что фонари превращались в мутные жёлтые пятна. У крыльца стояли закрытые экипажи с гербом драконьего крыла. Вокруг двигались стражники, слуги, несколько людей Совета. Всё происходило быстро и тихо, будто побег, только побегом это называли ссылкой.

Арден уже был в первом экипаже. Лица увидела его через приоткрытую дверцу: укутанный в тёмный мех, сонный, бледный, но спокойный. Рядом с ним сидела служанка, та самая, что прибегала в зал. Генерал стоял у дверцы, отдавая короткие распоряжения.

Когда Лица приблизилась, он замолчал.

— Вы поедете во втором экипаже, — сказал он. — С Мартой.

— Арден просил меня не уходить.

— Арден спит.

— А если проснётся?

— Тогда я буду рядом.

Это было сказано так, что спорить стало бессмысленно. Не потому, что он был прав, а потому, что за этой фразой стояло его отцовское право. Единственное, что Лика не могла и не хотела отнимать у него.

Она кивнула и направилась ко второму экипажу, но у самой дверцы обернулась.

На крыльце храма стоял Вейран. Снег не касался его серебристо-чёрного плаща, будто таял в воздухе за мгновение до ткани. Он смотрел не на генерала и не на Ардена. На неё.

Лика отвернулась первой.

Дорога заняла остаток ночи и часть серого, бесцветного утра. Экипаж трясло на замёрзших камнях, потом качало на заснеженной дороге. За маленьким окном тянулись тёмные леса, острые скалы, редкие сторожевые башни, похожие на обломанные зубы. Лика не спала. Марта тоже.

Иногда впереди слышался рёв ветра, но Лика не была уверена, что это именно ветер. Один раз над дорогой пронеслась огромная тень, снег закружился в бешеном вихре, лошади рванулись, и экипаж едва не занесло. Марта спокойно сказала:

— Патрульные крылья.

— Драконы?

— Да.

Ли́ка прижала ладонь к запотевшему стеклу, но увидела только белую круговерть и тёмный силуэт, исчезающий между скалами.

Драконы.

Слово, которое раньше жило в сказках, теперь летало над дорогой и охраняло её тюрьму.

К полудню, если это здесь называлось полуднем, впереди возник Северный замок.

Он стоял на высокой скале, вросший в неё, как кость в тело. Тёмные башни поднимались в небо, стены были покрыты инеем, а над главными воротами горел синий огонь — не в чаше, не в факеле, а прямо в каменной пасти огромного дракона, высеченного над аркой. Замок не казался заброшенным. Он казался ожидающим.

Ли́ка смотрела на него и понимала: здесь её никто не будет считать гостьей.

Экипажи въехали во двор. Слуги выстроились у ступеней, но в их поклонах не было радости. Одни смотрели на неё украдкой, другие опускали глаза слишком быстро. Слово «вдова» прокатилось по рядам почти неслышно, но Ли́ка уловила его всё равно.

Генерал вышел первым. Подал руку Ардену. Мальчик спустился осторожно, кутаясь в меховой плащ. Он выглядел

слабым после дороги, но держался сам, с упрямством, явно доставшимся от отца.

Лика вышла из второго экипажа следом за Мартой. Холод ударил в лицо, но она удержалась на ногах и подняла голову. Если эти люди ждали, что она съёжится под их взглядами, придётся их разочаровать.

На верхней ступени стоял высокий седой мужчина с ключами на поясе. Управляющий, догадалась Лика. Рядом с ним — полная женщина в тёмном платье и ещё несколько слуг.

— Северный замок приветствует главу рода, — произнёс управляющий.

— Комнаты в западном крыле готовы? — спросил генерал.

— Да, милорд.

— Стража?

— Выставлена.

Лика усмехнулась краем губ. Всё было готово. Её клетку приготовили заранее.

Генерал повернулся к ней.

— С этого момента вы не покидаете западное крыло без разрешения. Все просьбы передаёте через Марту. К Ардену подходите только в моём присутствии.

Арден, стоявший у его руки, вдруг поднял голову.

До этого он будто не видел Лику по-настоящему: дорога, сон, усталость, чужие люди, снег. Теперь же его взгляд остановился на её лице. Мальчик смотрел долго, с тем странным

вниманием, которое пугало взрослых сильнее крика.

Лица не двигалась.

Арден медленно высвободил руку из руки отца и сделал к ней один шаг. Генерал напрягся, но не остановил сына.

Мальчик подошёл совсем близко. Смотрел снизу вверх — на её лицо, на волосы, на чужое имя, которое все пытались надеть на неё плотнее любого платья. Потом осторожно коснулся пальцами её рукава.

И прошептал так тихо, что слышали только она, генерал и ближайший снег:

— Ты не она.

Глава 3. Мальчик с ЗОЛОТЫМИ ГЛАЗАМИ

— Ты не она.

Слова Ардена растворились в морозном воздухе почти сразу, но Лика успела почувствовать, как они меняют всё вокруг. Слуги на ступенях не услышали или сделали вид, что не услышали. Марта застыла у второго экипажа, прижимая к себе дорожную шаль. Управляющий с ключами на поясе чуть склонил голову, будто пытался уловить смысл детского шёпота, но не решался переспросить.

А генерал услышал.

Лика поняла это по тому, как его рука легла на плечо сына. Не резко, не грубо, но с такой осторожной твёрдостью, будто он одновременно хотел защитить мальчика и удержать его от следующей опасной фразы.

— Арден, — сказал Каэль. — В дом.

Мальчик не отступил. Его золотые глаза смотрели на Лика внимательно и слишком серьёзно для ребёнка, которому было всего пять лет. В них не было ни детского любопытства, ни обычного страха перед взрослой женщиной, от которой в замке наверняка шептались страшное. Он словно проверял её. Не лицо, не платье, не чужое имя, а что-то глубже, до чего сама Лика пока не могла добраться.

— Ты слышишь? — спросил он едва заметно.

Ли́ка присела перед ним, хотя колени после дороги слушались плохо, а холод сразу вцепился в подол платья. Она понимала, что генерал смотрит на неё. Понимала, что слуги ждут любого неверного движения. Понимала, что в этом замке каждое слово может стать уликой против неё. Но перед ней стоял ребёнок, и он уже второй раз за сутки пытался сказать ей что-то важное языком, который взрослые либо забыли, либо боялись понимать.

— Что именно я должна услышать? — мягко спросила она.

Арден приоткрыл губы, но ответа не дал. Его взгляд вдруг метнулся к верхней ступени, туда, где стояли управляющий и полная женщина в тёмном платье. Пальцы мальчика сжались на краю рукава. Он словно вспомнил, что вокруг много чужих ушей.

Каэль заметил и это.

— Все по местам, — приказал он, не повышая голоса. — Госпожа Ровена, подготовьте покои наследника. Север, проводите леди в западное крыло. Марта останется при ней. Остальным — вернуться к обязанностям.

Слуги поклонились почти одновременно, но не разошлись сразу. Ли́ка видела, как они косились на Ардена, на её лицо, на рукав, к которому он прикасался. Их взгляды были разными: страх, неприязнь, жадное любопытство, осторожная жалость. Хуже всего была жалость. Она предназначалась

не ей, а мальчику.

Так смотрят на того, кого уже мысленно похоронили.

— Маленький лорд устал с дороги, — произнесла полная женщина, которую генерал назвал Ровеной. Голос у неё был мягкий, почти ласковый, но в этой мягкости чувствовалась привычка говорить за других. — Ему нельзя стоять на ветру.

Арден едва заметно отодвинулся от неё, хотя Ровена даже не подошла близко.

Лица уловила это движение. Каэль тоже.

— Я сам отведу сына, — сказал генерал.

Ровена опустила глаза.

— Как прикажете, милорд.

Арден продолжал смотреть на Лику. Его маленькая рука всё ещё касалась её рукава, но теперь он не держался за неё, а будто проверял, настоящая ли она. Лица не стала брать его пальцы в ладонь. После того, что случилось в храме, любое прикосновение могло перепугать всех до новой вспышки, а ребёнок и так едва держался на ногах.

— Мы ещё поговорим, — сказала она тихо. — Когда тебе можно будет.

Мальчик чуть нахмурился, словно слово «можно» было для него чем-то неприятным, почти чужим.

— А если нельзя?

Лица почувствовала, как внутри поднялась горечь. Вот и вся жизнь этого ребёнка: можно, нельзя, опасно, не подходит, не трогай, молчи, спи, не зови, не смотри на дверь.

— Тогда я попрошу разрешения, — ответила она. — А если мне откажут, буду спрашивать ещё раз.

Арден посмотрел на неё с таким удивлением, будто взрослые в его мире обычно не спрашивали дважды. Потом впервые за всё время его губы чуть дрогнули. Не улыбка, нет, но её слабая тень.

Каэль молча поднял сына на руки.

Арден напрягся не так резко, как в храме, но всё равно ощутимо. Его ладони легли на плечи отца, однако в этом жесте не было детской расслабленной близости. Слишком осторожно. Слишком привычно к тому, что любое движение надо контролировать.

Лица поднялась. И тут же поймала на себе взгляд генерала.

В этих янтарных глазах опять не было доверия. Но появилась новая настороженность. Не та, с которой смотрят на обвиняемую. Та, с которой смотрят на дверь, за которой может оказаться и спасение, и ловушка.

— В западное крыло, — сказал он ей. — Сейчас.

Он не стал добавлять «пожалуйста». Лица уже не ждала.

— Как прикажете, милорд, — ответила она и сама услышала, что получилось слишком ровно.

Каэль задержал на ней взгляд на одну лишнюю секунду, но ничего не сказал. Он понёс Ардена вверх по ступеням, и слуги расступились перед ними так быстро, будто боялись случайно коснуться мальчика полрой платья или рукавом.

Ли́ка пошла следом за Мартой и седым управляющим, которого генерал назвал Севером. Это имя подходило ему слишком хорошо: высокий, сухой, с бледным лицом и глазами, в которых не было ни тепла, ни открытой вражды. Только порядок, доведённый до состояния человеческой кожи. Ключи на его поясе позвякивали при каждом шаге, и этот звук почему-то раздражал сильнее шёпота слуг.

Внутри Северный замок оказался ещё холоднее, чем снаружи. Не физически — в коридорах горели синие светильники, у стен тлели очаги, под ногами лежали тяжёлые ковры. Но всё вокруг было слишком мрачным, слишком выверенным, слишком старым. Камень, тёмное дерево, железо, гербы с драконьими крыльями, портреты мужчин и женщин с одинаковым гордым изгибом губ. Казалось, сам замок смотрит на Лику и решает, имеет ли она право сделать следующий шаг.

— Западное крыло давно не использовалось для постоянного проживания, — сказал Север, не оборачиваясь. — Но комнаты приведены в порядок.

— Как заботливо, — сказала Ли́ка.

Марта тихо кашлянула, предупреждая.

Управляющий всё же обернулся. Его взгляд скользнул по её лицу без тени улыбки.

— Северный замок исполняет приказы главы рода. Не больше и не меньше.

— А если приказов нет?

— Тогда исполняет правила.

— Удобный дом.

— Древний, леди.

В его голосе прозвучал лёгкий укор, будто она оскорбила не стены, а живого старика.

Лика не стала спорить. Её сил хватало только на то, чтобы идти ровно, не показывать, как сильно болит спина после дороги, и запоминать всё, что может оказаться важным. Главная лестница уводила в верхние крылья. По правой галерее, куда понесли Ардена, тянулся ряд узких окон с витражами в виде золотых крыльев. Западное крыло, куда вели её, находилось ниже и дальше, за двумя поворотами и тяжёлой дверью с чёрной железной накладкой.

Ключ повернулся в замке с глухим щелчком.

Лика остановилась.

— Дверь будет запираться?

Север наконец посмотрел на неё прямо.

— На ночь.

— Снаружи?

— Для вашей безопасности.

Лика медленно перевела взгляд на Марту. Та отвела глаза.

— Конечно, — сказала Лика. — Здесь все страшные вещи называют безопасностью.

Управляющий ничего не ответил и распахнул дверь.

Комнаты действительно были готовы. Даже слишком готовы — как место, куда не заселяют, а помещают. Небольшая

гостиная с камином, спальня, умывальная, узкая гардеробная. На окнах тяжёлые портьеры, у дверей — свежие свечи, на столе — кувшин с водой, чашка, чистые полотенца, стопка белья. Всё аккуратно, холодно и безлико. Ни одной вещи, которая могла бы принадлежать Элианне. Ни дневника, ни шкатулки, ни дорожного сундука.

— Где мои вещи? — спросила Лика.

— Их принесут после проверки, — ответил Север.

— Проверки кем?

— Замком.

Она не сразу поняла.

— Вы хотите сказать, слугами?

— Я сказал то, что сказал.

Марта быстро вмешалась:

— В Северном замке старые защитные печати. Все вещи, привезённые извне, проходят через нижнюю галерею. Это обычай.

Лика посмотрела на неё внимательно. Марта говорила правду, но не всю. Это она уже начала различать. В этом мире полуправда была у всех вместо нормального дыхания.

— Дневник тоже? — спросила она.

Марта вздрогнула едва заметно.

Север не изменился в лице.

— Все вещи, леди.

Значит, дневник Элианны уже не у неё. Первый возможный источник ответов ушёл в чужие руки. Отлично. Просто

прекрасно.

— Я хочу присутствовать при проверке.

— Невозможно.

— Почему?

— Потому что вам запрещено покидать западное крыло без разрешения лорда Драгомира.

Лика сделала шаг ближе к управляющему. Он был выше, старше и явно привык, что спорить с ним бессмысленно. Но она устала быть посылкой, которую переносят из экипажа в комнату, из комнаты в приговор, из приговора в замок.

— Тогда передайте лорду Драгомиру, что я прошу разрешения присутствовать при проверке собственных вещей.

— Передам, если сочту просьбу уместной.

— Нет. Передадите дословно.

Марта шумно вдохнула. Север впервые за всё время посмотрел на Лику не как на обязанность, а как на неприятную неожиданность.

— Леди Элианна, ваше положение в этом доме не позволяет вам отдавать распоряжения.

Имя снова сжало горло. Лика удержала лицо спокойным.

— Моё положение в этом доме, как мне объяснили, неопределённое. Я вдова при живом муже, угроза и одновременно необходимая часть странной связи с наследником. Раз уж все вокруг так старательно не понимают, кто я, мне придётся самой следить за тем малым, что у меня осталось.

Север молчал несколько секунд.

— Я передам, что вы беспокоитесь о вещах.

— Передайте, что я беспокоюсь о дневнике.

Марта закрыла глаза.

Теперь Лика поняла, что попала. Но отступить было поздно.

Управляющий медленно склонил голову.

— Как пожелаете.

Он вышел, оставив дверь открытой. За ней тут же встали два стражника. Не скрываясь. Не изображая случайное присутствие.

Лика проводила их взглядом и только после этого позволила себе опуститься в кресло у камина. Колени предательски ослабли. Пальцы дрожали от усталости, хотя она изо всех сил делала вид, что держится.

Марта закрыла дверь, но не заперла. Потом подошла к столу и налила воды в чашку.

— Вы слишком быстро наживаете врагов.

Лика приняла чашку обеими руками.

— Они были готовы ещё до моего приезда.

— Готовы — не значит разбужены.

— А я должна была позволить унести дневник молча?

Марта долго смотрела на неё. Потом устало опустилась на край соседнего кресла, будто возраст наконец догнал её в этом чужом крыле.

— Вы не понимаете, где оказались.

— Поэтому и задаю вопросы.

— В Северном замке вопросы опаснее ответов.

Лика почти рассмеялась, но сил на смех не осталось.

— В храме мне сказали примерно то же самое. В коридоре тоже. В экипаже вы молчали так выразительно, будто даже снег мог нас подслушать. У вас тут вообще есть место, где можно говорить прямо?

Марта посмотрела на камин. Синий огонь за решёткой был спокойным, почти ленивым.

— С детьми иногда можно.

Лика сжала чашку.

— Расскажите мне об Ардене.

Пожилая женщина напряглась.

— Это не моя тайна.

— Я не прошу тайну. Я прошу понять ребёнка, которого все боятся и жалеют одновременно. Если он опять позовёт меня, а я сделаю что-то не так, вы же первая скажете, что я опасна.

Этот довод сработал. Марта опустила взгляд на свои руки.

— Маленький лорд родился слабым.

— Слабым?

— Для драконьего наследника. Его огонь проявился поздно, крыловой знак долго оставался светлым. Но госпожа Мирена говорила, что у каждого ребёнка свой срок.

Мирена. Первая леди Драгомир. Мать Ардена. Та самая, за дверью которой, по словам мальчика, кто-то плакал.

— Она была доброй? — спросила Лика.

Марта улыбнулась так печально, что ответ стал ясен раньше слов.

— Она была тёплой. В этом доме это редкое качество.

Лица невольно вспомнила маленькую цепочку с раскрытым крылом среди вещей Элианны.

— Когда она умерла?

— Три года назад.

— Ардену было два?

Марта кивнула.

— Он почти не должен был её помнить.

— Но помнит.

— Иногда дети помнят не лицом, а сердцем.

Лица провела пальцем по краю чашки. Горячей воды здесь не было, но она всё равно сделала маленький глоток, чтобы выиграть несколько секунд.

— А Элианна? Когда она появилась?

Лицо Марты снова закрылось.

— Через год после смерти первой леди. Совет настаивал, что роду нужна новая хозяйка, а наследнику — женская рука.

— И генерал согласился?

— Лорд Драгомир тогда был на границе. Решение готовили долго. Брак заключили быстро.

Слишком много недосказанного. Слишком удобная формулировка.

— Арден её боялся?

Марта не ответила.

Лика поставила чашку на стол.

— Он сказал: «Та была холодная». Это об Элианне?

— Дети говорят странное, когда им плохо.

— Марта.

Пожилая женщина подняла на неё глаза. В них мелькнула почти злость.

— Да. Он боялся её. Не сразу. Сначала просто избегал. Потом стал прятать руки. Потом перестал говорить при ней. А после той ночи, когда на его запястье потемнел знак, он начал кричать, если она входила без предупреждения.

Лика почувствовала, как внутри похолодело.

— Что случилось той ночью?

— Я не видела.

— Но вы знаете, что говорят.

Марта встала и подошла к окну. За стеклом метель стира-
ла двор, башни, следы колёс. Северный замок стоял в белой
буре, и казалось, мир за его стенами исчез.

— Говорят, леди Элианна вошла в детскую после полу-
ночи. Охрана почему-то уснула у двери. Утром маленького
лорда нашли на полу у родового круга, а его знак был чёрным
по краям. С того дня он стал слышать запечатанные двери.

Лика вспомнила гобелен в храмовой комнате и золотой
шов вокруг вытканной башни.

— А Элианна?

— Она сказала, что ребёнок сам вышел из постели и по-

звал её. Что она пыталась помочь.

— Ей поверили?

Марта повернулась.

— Лорд Драгомир — нет.

— А вы?

Пауза затянулась.

— Я не знаю.

Это было честнее всего, что Марта сказала ей за всё время.

Лица устало прикрыла глаза. Перед ней складывалась картина, но пока слишком размытая. Первая жена умерла три года назад. Через год появилась Элианна. Арден её боялся. Потом ночь у родового круга, почерневший знак, обвинения, отречение, ритуал. А теперь Лица в теле Элианны, но ребёнок уверен: она не та.

— Что значит «родовой круг»? — спросила она.

Марта отвернулась от окна.

— Место, где наследник впервые принимает огонь рода. Обычно туда приводят ребёнка в семь лет, иногда позже. Ардену было рано.

— И кто-то всё равно привёл его туда?

— Возможно.

— Элианна?

— Возможно.

— А возможно, кто-то другой, кому было выгодно, чтобы виновной стала она.

Марта сжала губы.

— Такие слова нельзя произносить без доказательств.

— Я и не произношу их при Совете.

— Здесь стены тоже умеют слушать.

Лица медленно посмотрела на каменные плиты, тёмные балки, герб над камином. После всего, что она видела, эта фраза уже не казалась метафорой.

В дверь постучали.

Марта тут же выпрямилась.

— Войдите.

На пороге появилась та самая молодая служанка, что прибегала в храм за генералом. Теперь при дневном свете она выглядела ещё моложе. Веснушки на носу, рыжеватые волосы спрятаны под чепцом, глаза испуганные, но не злые.

— Простите, леди Марта, — сказала она. — Маленький лорд проснулся и отказывается подниматься в свои комнаты.

Марта нахмурилась.

— Почему?

Служанка бросила взгляд на Лику.

— Он говорит, что пойдёт только туда, где «не холодная леди».

Марта закрыла лицо ладонью.

Лица поднялась.

— Я пойду.

— Вы не имеете права, — почти одновременно сказали Марта и служанка.

— Тогда позовите генерала.

— Лорд Драгомир с управляющим в нижней галерее, — ответила служанка. — Он велел не тревожить, если нет опасности.

— Ребёнок отказывается идти в свои комнаты после долгой дороги. Это опасность или пока недостаточно красиво звучит?

Марта тяжело вздохнула.

— Вы опять начинаете.

— Нет. Я продолжаю.

Пожилая женщина посмотрела на неё так, будто боролась с желанием то ли остановить, то ли поддержать. В конце концов она взяла со стола шаль и накинула Лике на плечи.

— Без резких движений. Без лишних вопросов при слугах. Не прикасайтесь к его знаку, если он сам не позволит. И если лорд Драгомир спросит, я была против.

— Обязательно подтверждаю.

Марта покачала головой, но в её глазах мелькнуло что-то почти похожее на одобрение.

Арден сидел в малой галерее у окна, выходящего во внутренний двор. Вокруг него стояли трое слуг и Ровена. Все говорили с ним ласково, терпеливо, осторожно, но от этого становилось только хуже. Мальчик вжался в каменный подоконник, укутанный в меховой плащ, и держал руки под тканью так крепко, будто боялся, что их заберут.

— Маленький лорд, — уговаривала Ровена, — в ваших

покоях уже горит огонь. Вам нужно отдохнуть.

Арден молчал.

— Ваш отец скоро придёт.

Он молчал.

— Не надо упрямиться, мой хороший.

При этих словах мальчик вздрогнул.

Лица вошла в галерею, и он сразу поднял голову. Не радостно — с облегчением, от которого у неё снова болезненно сжалось сердце.

— Вы все можете отойти на несколько шагов? — спросила Лица.

Ровена обернулась. На её круглом лице появилась вежливая, но неприятная улыбка.

— Леди не следует распоряжаться слугами в этом крыле.

— Тогда считайте, что я прошу.

— Просьбы тоже лучше передавать через Марту.

Марта, стоявшая позади Лики, сухо сказала:

— Я передала бы именно это. Отойдите, Ровена. Ребёнку нужен воздух.

Полная женщина явно не ожидала удара с этой стороны. Несколько мгновений она смотрела на Марту, потом поклонилась и сделала шаг назад. Остальные слуги тоже отступили.

Лица не подошла сразу. Она остановилась на расстоянии вытянутой руки.

— Арден, я могу сесть рядом?

Мальчик кивнул.

Она села на край широкого подоконника, оставив между ними место. За окном метель кружила над двором, по которому только что прошли экипажи. Следы уже заметало. Северный замок быстро стирал всё, что происходило снаружи.

— Тебе не нравятся твои комнаты? — спросила Лика.

Арден пожал плечом.

— Там смотрят.

— Кто?

Он опустил глаза.

— Портреты.

Лика медленно повернулась к Ровене.

— В покоях ребёнка висят портреты?

— Родовые изображения, — сдержанно ответила та. —

Так положено наследнику.

Лика снова посмотрела на мальчика. Пятилетний ребёнок, который боится прикосновений, слышит запечатанные двери, видит в темноте то, что не видят взрослые, и его помещают спать под взглядами мёртвых предков. Просто великолепно.

— Портреты можно снять? — спросила она у Марты.

Ровена возмущённо вдохнула.

— Нельзя. Это крыло наследника. Изображения рода защищают его.

Арден едва заметно сжался.

Лика заметила.

— Они его защищают или пугают?

— Леди Элианна, вы не знаете наших обычаев.

— Верно. Зато я вижу ребёнка, которому плохо.

Слово повисло в галерее, как вызов. Ровена побледнела от негодования, Марта напряглась, служанка у двери опустила голову. Арден перестал прятать лицо и посмотрел на Лику так, будто она сделала нечто невозможное — сказала очевидное вслух.

— Мне не плохо, — тихо произнёс он после паузы. — Просто там они ждут.

— Портреты?

— Нет. В стене.

Лица не стала спрашивать сразу. Она уже поняла: если надавить, мальчик замкнётся или скажет то, от чего взрослые опять начнут шептаться о проклятии.

— Тогда мы не пойдём туда прямо сейчас, — сказала она.

— Сначала найдём место, где тебе спокойнее. Можно?

Арден кивнул.

Ровена шагнула вперёд.

— Лорд Драгомир приказал подготовить покои наследника.

— Он приказал уложить сына или довести его до слёз в правильной комнате?

— Вы переходите границы.

— Я пытаюсь понять, где они вообще находятся.

В этот момент в галерею вошёл Каэль.

Никто не объявлял его появления. Просто все сразу выпрямились, а воздух стал плотнее. Генерал остановился у входа, и его взгляд быстро охватил сцену: Арден на подоконнике, Лика рядом, Ровена с поджатыми губами, Марта за её спиной, слуги у стены.

— Что происходит?

Ровена сразу поклонилась.

— Маленький лорд отказывается идти в свои покои, милорд. Леди Элианна вмешалась и требует убрать родовые портреты.

Лика медленно повернула голову к женщине.

— Как быстро просьба превращается в требование, если её пересказать с нужным лицом.

Каэль посмотрел на неё. Потом на сына.

— Арден.

Мальчик опустил глаза.

— Я не хочу туда.

Генерал подошёл ближе. На этот раз Арден не отстранился, но его плечи напряглись.

— Почему?

Мальчик молчал.

Лика видела, как Каэль борется с собой. Он привык отдавать приказы и получать ответы. Но с сыном приказы не работали, а ответы жили где-то в таком месте, куда взрослой силой не войти.

— Он сказал, что в комнате на него смотрят портреты, —

произнесла Лика. — И что в стене кто-то ждёт. Я не знаю, что это значит. Но он боится туда идти.

Генерал перевёл взгляд на Ровену.

— В покоях наследника оставили полный родовой ряд?

— Да, милорд. Как положено.

— Я приказывал подготовить комнаты для отдыха, а не зал памяти.

Ровена побледнела.

— Простите, милорд. Я думала...

— Вынести портреты в малую библиотеку. Оставить только знак Северного Пламени над камином.

— Но традиция...

— Традиция не будет спать вместо моего сына.

Ровена склонилась ниже.

— Будет исполнено.

Лика не ожидала, что он согласится так быстро. И это почему-то выбило почву сильнее очередного запрета. Она была готова спорить, отбиваться, доказывать очевидное. А генерал просто посмотрел на ребёнка и принял решение.

Арден тоже поднял глаза. В них мелькнуло недоверчивое удивление.

Каэль заметил его.

— До вечера ты можешь остаться в южной гостиной, — сказал он сыну. — Там светло. Я пришлю твои книги.

— И дракона? — тихо спросил мальчик.

— И дракона.

Ли́ка не сразу поняла, что речь не о живом драконе, пока рыжеватая служанка не прошептала Марте:

— Деревянного. Маленький лорд с ним спит.

Арден вдруг посмотрел на Лику.

— Ты придёшь?

Генерал ответил раньше неё:

— Нет.

Мальчик сразу сжал рукав плаща.

Ли́ка поднялась.

— Милорд, можно вас на два слова?

Каэль взглянул на неё так, будто она снова делала что-то крайне неразумное.

— Здесь?

— Лучше без слушателей.

Ровена оскорблённо поджала губы. Марта предусмотрительно отвела взгляд.

Генерал указал на соседнюю арку. За ней оказался небольшой проход к окну, отделённый от галереи каменной колонной. Слуги их не слышали, но видеть могли. Это, видимо, считалось достаточной приличностью.

— У вас минута, — сказал Каэль.

Ли́ка сложила руки перед собой, чтобы не выдать раздражения.

— Арден просит, чтобы я пришла. Я не предлагаю оставлять нас наедине. Вы можете быть рядом, Марта может быть рядом, хоть вся ваша стража может стоять под дверью и счи-

тать мои вдохи. Но если ребёнок сам тянется ко мне, резкий запрет сделает только хуже.

— Вы слишком уверенно говорите о моём сыне для женщины, знакомой с ним меньше суток.

— Потому что взрослые вокруг него слишком уверенно делают вид, что его страхи — неудобство, а не просьба о помощи.

Лицо генерала стало жёстким.

— Осторожнее.

— Я осторожна. Именно поэтому и говорю вам, а не спорю при всех.

Это, кажется, подействовало. Каэль молчал, глядя на неё сверху вниз, и Лика впервые почувствовала не только давление его силы, но и то, насколько он устал. От Совета, от замка, от страха за сына, от женщины с лицом Элианны, которая ведёт себя не так, как должна.

— Он боится прикосновений, — сказала она тише. — Особенно когда к нему подходят без предупреждения. Он прячет руки. Его знак темнеет, когда вокруг много людей или когда его заставляют делать то, чего он боится. Я не знаю ваших правил, но я вижу это.

Каэль не отвёл взгляда.

— И что вы предлагаете?

— Дать ему выбор там, где это возможно. Маленький. Безопасный. В какую комнату идти. Кто сидит рядом. Можно ли убрать то, что его пугает. Когда ребёнок живёт среди

сплошных запретов, он цепляется за единственного человека, который спрашивает.

— Вы хотите стать этим человеком?

Вопрос прозвучал опасно.

Лица честно выдержала паузу.

— Я хочу понять, почему он считает, что я не та. И почему, когда он берёт меня за руку, ваш родовой огонь ведёт себя так, будто узнаёт меня.

Каэль резко посмотрел на её запястье, скрытое рукавом.

— Не называйте это узнаёт.

— А как назвать?

— Ошибкой.

— Огонь ошибается?

Он не ответил.

И этого было достаточно.

Лица шагнула чуть ближе, понизив голос:

— Вы не доверяете мне. Хорошо. Я бы на вашем месте тоже не доверяла. Но если вы хотите защитить Ардена, вам придётся смотреть не только на то, что сделала Элианна. Вам придётся увидеть, что происходит с ним сейчас.

Каэль долго молчал. Потом произнёс:

— Полчаса. В южной гостиной. При мне или при Марте. Вы не касаетесь его знака без разрешения. Не спрашиваете о той ночи. Не говорите с ним о двери.

— Согласна.

— И если я увижу, что ему становится хуже...

— Вы меня выгоните.

— Я вас запру.

Ли́ка усмехнулась без веселья.

— Вот теперь узнаю вашу манеру договариваться.

Генерал посмотрел на неё так, будто хотел сказать что-то резкое, но передумал. Они вернулись в галерею. Арден следил за ними, не моргая.

— Леди придёт в южную гостиную, — сказал Каэль. — Ненадолго.

Мальчик кивнул. Не улыбнулся, но пальцы на плаще разжались.

Южная гостиная оказалась совсем не похожей на остальные помещения замка. В ней было светлее: широкие окна выходили не на скалы, а на заснеженный внутренний сад, где под стеклянным куполом росли низкие тёмно-зелёные деревца. В камине горел не синий, а мягкий золотистый огонь. На ковре у кресла лежал деревянный дракон с отполированными крыльями, несколько маленьких фигурок воинов и стопка тонких книг.

Арден сел на ковёр, но не стал играть. Он положил деревянного дракона рядом и спрятал обе руки в рукава.

Марта устроилась у окна с вышиванием, хотя Ли́ка была уверена, что та не сделала ни одного стежка. Каэль остался у двери. Он не вмешивался, но его присутствие ощущалось сильнее охраны.

Ли́ка опустилась на ковёр напротив Ардена, оставив меж-

ду ними достаточно места.

— У твоего дракона есть имя?

Мальчик осторожно посмотрел на игрушку.

— Ран.

— Он боевой?

— Нет. Он сторожевой.

— Что сторожит?

Арден взял дракона за крыло, но не поднял.

— Двери.

Лика заставила себя не смотреть на Каэля.

— Важная работа.

— Его никто не слушает, — сказал мальчик. — Потому что он деревянный.

— Зато он терпеливый. Деревянные драконы умеют ждать лучше живых.

Арден задумался над этим с серьёзностью мудреца. Потом подвинул игрушку к ней.

— Можешь взять.

Лика не потянулась сразу.

— Точно?

Он кивнул.

Она взяла дракона осторожно, двумя пальцами, как хрупкую вещь. Игрушка была простой, но сделанной с любовью: маленькие когти, резные чешуйки, одно крыло чуть темнее другого. На брюхе были вырезаны неровные буквы. Лика пригляделась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.